

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие. Постановка проблемы	6
Революция и создание СССР	8
Опыт СССР	36
От СССР к России. Процессы распада	122
Образ будущего	187
Вместо послесловия. Можем ли гордиться?	232

ПРЕДИСЛОВИЕ. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Картины мира людей очень быстро изменяются. По этом часто трудно увидеть и понять феномен — он прошел, и мы успели увидеть фрагменты, а другие части структуры. И мы понимали, что фрагменты и куски структур соединяли много связей, — а значит предмет структуры можно рассмотреть с разными аспектами.

Для нас были трудные проблемы — культурные кризисы со сдвигами в системе ценностей происходят в результате сильной культурной травмы. Такая травма дестабилизирует рациональное сознание, и вся духовная сфера переходит в состояние неустойчивого равновесия, возникает «подвижность отношений и правил». Эти — точки бифуркации, когда вся система может быть при малом усилии сдвинута в иной коридор.

Катастрофическое изменение системы — вот что порождает такие необычные выбросы энергии, которых никто и не мог вообразить. В состоянии неустойчивого равновесия «все старое начинает раскачиваться, а все новое, еще неопределенное, заявляет о себе и становится возможным».

Если мы хотим выжить как народ и как культура, надо знать и понимать эти революции. Сегодня старики с их неявным знанием сошли с дистанции, а молодежь получила чужие (и устаревшие) учебники. Чтобы было ясно, надо восстановить от истока 1917 г., — цепь «прошлое—настоящее—будущее». Но пока еще в нашей символической сфере эта цепь разорвана. Переход от механической солидарности к органической — был тяжелым потрясением. Реальные успехи первого этапа для послевоенных поколений уже стали историей.

Произошел раскол в ходе углубления дезинтеграции общества он лишь углублялся, становился «системным» — шло расхождение социальных и ценностных установок, структур потребностей и пр. Общим фоном нашего российского бытия стала аномия (букв. беззаконие, безнормность). Это состояние, при котором значительная часть общества сознательно нарушает известные нормы этики и права, — социальная и духовная патология, распад человеческих связей и дезорганизация общественных институтов, массовое девиантное и преступное поведение. Это значит, что перед нами — стихия. Ее движения неизвестно куда, где-то возник вихрь, где-то гроыхает гроза, но нам трудно увидеть всю картину — мы ее не знаем.

С точки зрения рациональности, сама постановка задачи предвидения выбирает ничтожную часть сигналов — из многообразия реальности. Но и на этом основании предсказывается образ будущей реальности. Беда, если общество утратило навыки рационального анализа и его предвидимых последствий.

Никто в массе не понял, какую угрозу для общества несёт в себе раскол без рационального объяснения, и что именно — раскол нам угрожал. Наше население шагнуло в пропасть, не увидев ее. Мы не знали, что интеллигенция — особая общность и не понимали, как изменяются её новые поколения.

РЕВОЛЮЦИЯ И СОЗДАНИЕ СССР

Конфликт с крестьянством

В начале XX века в России вызрел конфликт между крестьянством и помещиками, а затем также с государством, — произошел ценностный разрыв в отношении земли. Еще в 70-80-е годы XIX века крестьяне зачастую сами вязали и сдавали в полицию агитаторов, которые «шли в народ» и пытались объяснить несправедливость всего общественного строя. Теперь, в начале XX века, крестьяне стали считать несправедливым и нетерпимым само социальное неравенство.

Суждения Вебера об процесса в России: «Власть в течение столетий и в последнее время делала все возможное, чтобы еще больше укрепить коммунистические настроения. Представление, что земельная собственность подлежит суверенному распоряжению государственной власти, было глубоко укоренено исторически еще в московском государстве, точно так же как и община» (см. [Донде А. Комментарий Макса Вебера к русской революции // Русский исторический журнал. 1998, № 1.]).

Ранее были мы знали, что такое «жакерия». Вот, Британская энциклопедия объяснила «жакерию»: «нуждой, испытываемой крестьянами в Столетней войне и ненавистью к дворянству, которое их угнетало». Крестьяне «разрушили множество замков... предали всю сельскую местность огню и мечу, совершая самые ужасные зверства». Этому был положен конец, когда «армия Карла Злого... сокрушила повстанцев... и дворянство, затем, прибегло к самым жестоким репрессиям». Слово «жакерия» произошло

от «Жак-Простак», но реально «крестьянин» получил шесть знаков: «негодяй, грубиян, вор, рзбойник и грабитель», а во множественном числе — «негодяй, попрошайки, лжецы, жулики, дряни и безбожники».

А вот Т. Шанин рассказывает историю «русской жакерии» 1905—1907. Он пишет: «Описания тех событий очень похожи одно на другое. Массы крестьян с сотнями запряженных телег собирались по сигналу зажженного костра или по церковному набату. Затем они двигались к складам имений, сбивали замки и уносили зерно и сено. Землевладельцев не трогали. Иногда крестьяне даже предупреждали их о точной дате, когда они собирались “разобрать” поместье. Только в нескольких случаях имел место поджог и одному-единственному полицейскому были, как сообщают, нанесены телесные повреждения, когда он собирался произвести арест. Унесенное зерно часто делилось между крестьянскими хозяйствами в соответствии с числом едоков в семьях и по заранее составленному списку. В одной из участвующих в “разборке” деревень местному слепому нищему была предоставлена телега и лошадь для вывоза его доли “разобранного” зерна. Все отчеты подчеркивали чувство правоты, с которым обычно действовали крестьяне, что выразилось также в строгом соблюдении установленных ими же самими правил, например, они не брали вещей, которые считали личной собственностью...

В течение первых месяцев 1905 г. крестьянские действия в значительной степени были прямым и стихийным ответом на нужду и отчаянный недостаток продовольствия, корма и леса во многих крестьянских общинах. Все эти действия были хорошо организованы на местах и обходились без кровопролития» [Шанин Т. Революция как момент истины. М.: Весь мир, 1997, с. 156.].

Т. Шанин писал о насилии крестьянства 1907 г. и он называл это — русская жакерия. Он пишет: «Поджоги часто

следовали теперь особому сценарию. Решение о них принималось на общинном сходе и затем, при помощи жребия, выбирались исполнители из числа участников схода, в то время как остальные присутствующие давали клятву не выдавать поджигателей... Крестьянские выступления России оказались непохожими на образ европейской жакерии, оставленный нам ее палачами и хроникерами...

Есть нечто глубоко ошибочное в попытке приспособить рассказ о сельской России 1905—1907 гг. к классическому образу жакерии. Крестьяне восстали, и короли наказывали их за неповиновение — до сих пор рассказ как будто бы верен. То же самое можно сказать и о крестьянских колоннах, движущихся по Волжской степи в зареве горящих помещичьих имений. Однако крестьянская атака была исключительно бескровной, и это, учитывая историю других эпох, не может быть объяснено простым добросердечием российских крестьян».

Важным фактором было наличие у всего крестьянства России «молекулярной» организационной структуры сельской общины. Осенью 1905 г. крестьянские волнения вспыхнули с новой силой. Т. Шанин пишет: «Массовые разрушения поместий не были к тому времени ни “бездумным бунтом”, ни актом вандализма. По всей территории, охваченной жакерией, крестьяне заявляли, что их цель — навсегда “выкурить” помещиков и сделать так, чтобы дворянские земли были оставлены крестьянам для владения и обработки».

И вот исключительно важное наблюдение: «Крестьянские действия были в заметной степени упорядочены, что совсем не похоже на безумный разгул ненависти и вандализма, который ожидали увидеть враги крестьян, как и те, кто превозносил крестьянскую жакерию. Восставшие также продемонстрировали удивительное единство целей и средств, если принимать во внимание отсутствие общепризнанных лидеров или идеологов, мощной, существую-

щей долгое время организации, единой общепринятой теории переустройства общества и общенациональной системы связи» [Шанин, с. 169].

«Новые» русские инородцы

Социальный раскол в России «рассёк народ на части» вплоть до Гражданской войны, начавшейся с крестьянских волнений 1902 г. Крестьяне воевали со своими помещиками как с иным, враждебным народом. Они сравнивали помещиков с французами 1812 года. Так, сход крестьян деревни Куниловой Тверской губернии писал в наказе 1906 г.: «Если Государственная дума не облегчит нас от злых врагов-помещиков, то придется нам, крестьянам, все земледельческие орудия перековать на военные штыки и на другие военные орудия и напомнить 1812 год, в котором наши предки защищали свою родину от врагов французов, а мы — от злых кровопийных помещиков».

Произошло это потому, что отделяться от русских начала элита, богатое меньшинство. Богатые тяготеют к тому, чтобы стать «иным народом» — по-особому одеваются и говорят, учатся в особых школах, иногда в общении между собой даже переходят на чужой язык (как русские дворяне, говорившие по-французски).

А.С. Грибоедов писал: «Если бы каким-нибудь случаем сюда занесён был иностранец, который бы не знал русской истории за целое столетие, он, конечно, заключил бы из резкой противоположности нравов, что у нас господа и крестьяне происходят от двух различных племён, которые еще не успели перемешаться обычаями и нравами».

В начале XX века социальный раскол усугубил раскол мировоззренческий. Такие расколы возникают, когда какая-то часть народа резко меняет важную установку мировоззрения так, что остальные не могут с этим примириться. Расколы, возникающие как будто из экономического интереса, тоже связаны с изменением мировоззрения, что вы-

зывает ответную ненависть. Одно из таких изменений связано с представлением о человеке.

Христианство определило, что люди равны как дети Божьи, «братья во Христе». Отсюда «человек человеку брат» — как отрицание языческого (римского) «человек человеку волк». Православие твердо стоит на этом, но социальный интерес богатых породил целую идеологию, согласно которой человеческий род не един, а разделен, как у животных, на виды. Из расизма, который изобрели, чтобы оправдать обращение в рабство и ограбление «цветных», в социальную философию Запада перенесли понятия «раса бедных» и «раса богатых». Рабочие тоже считались особой расой. Отцы политэкономии учили, что первая функция рынка — через зарплату регулировать численность этой расы.

Возник социальный расизм. Потом подоспел дарвинизм, и эту идеологию украсили научными словечками (это «социал-дарвинизм»). Русская культура отвергла социал-дарвинизм категорически, тут единым фронтом выступали наука и Церковь. Но когда крестьяне в начале XX века стали настойчиво требовать вернуть им землю и наметилась их смычка с рабочими, русское либеральное дворянство и буржуазия качнулись от «народопоклонства» к «народоненавистничеству». Будучи западниками, они получили оттуда готовую идеологию и вдруг заговорили на языке социал-дарвинизма.

Большая часть элиты впала в социальный расизм. Рабочие и крестьяне стали для нее низшей расой.

Русская революция

Русская революция — главное событие XX века. Она — стартер мировой революции «крестьянских» стран, изменившей все мироустройство. За этим порогом все пошло не так, как предписано в проекте Просвещения. На мировую арену вышла доиндустриальная цивилизация.

В 1902 году в России поднялась волна массовых восстаний крестьян, организованных общинами. Организовалась деревня! Масса крестьян имела стратегические цели и выработала технологию — со строгими нормами. Историк крестьянства В.П. Данилов пишет: «В России начиналась крестьянская революция, на основе которой развертывались все другие социальные и политические революции, включая большевистскую революцию в октябре 1917 года... В 1902 году на историческую сцену выступил новый крестьянин — крестьянин эпохи революции» [Данилов В.П. Крестьянская революция в России // Политические партии в российских революциях в начале XX века. М.: Наука. 2005. С. 34, 35.].

В начале XIX в., в ходе становления мировой колониальной системы — первая волна «глобализации». «В XX столетии крестьянские восстания превратились в крупную революционную силу, действенный фактор общественного развития» [Великий незнакомец: крестьяне и фермеры в современном мире: Пер. с англ./Сост. Т. Шанина; Под ред. А.В. Гордона.— М.: Издательская группа «Прогресс» — «Прогресс-Академия», 1992.].

Этого не учитывали в начале XX века сторонники капиталистического преобразования России. Так группа московских миллионеров, выступив в 1906 г. в поддержку столыпинской реформы, заявила: «Дифференциации мы нисколько не боимся... Из 100 полугодовых будет 20 хороших хозяев, а 80 батраков. Мы сентиментальностью не страдаем. Наши идеалы — англосаксонские. Помогать в первую очередь нужно сильным людям. А слабеньких да нытиков мы жалеть не умеем». Как общественная позиция такой взгляд укорениться не мог — общество не следовало англосаксонским идеалам, оно «страдало сентиментальностью» (см. [Островский И.В. П.А. Столыпин и его время. Новосибирск: Наука. 1992, с. 79.]).

В результате либеральная интеллигенция примкнула к буржуазии и потеряла возможность служить культурным мостиком между частями общества, в которых назревала взаимная ненависть. Социальный расизм стал характерен даже для умеренно левых философов. Например, Н.А. Бердяев излагал явно расистские представления. Он писал: «Культура существует в нашей крови. Культура — дело расы и расового подбора... «Просветительное» и «революционное» сознание затемнило для научного познания значение расы. Но объективная незаинтересованная наука должна признать, что в мире существует дворянство не только как социальный класс с определенными интересами, но как качественный душевный и физический тип, как тысячелетняя культура души и тела. Существование «белой кости» есть не только сословный предрассудок, это есть неопровержимый и неистребимый антропологический факт».

Две части русского народа стали расходиться на две враждебные расы.

Это отразилось уже в книге «Вехи» (1906). Основная идея этой книги ясно была выражена М.О. Гершензоном, который писал: «Каковы мы есть, нам не только нельзя мечтать о слиянии с народом — бояться мы его должны пуще всех казней власти и благословлять эту власть, которая одна своими штыками и тюрьмами еще ограждает нас от ярости народной».

Основная масса народа долго не могла поверить в расизм элиты, считала его проявлением сословного эгоизма. Ответный расизм «трудового народа» возник только к концу I Мировой войны, а проявился в социальной практике уже после февраля 1917 г., летом. После 1916 г. буржуазию и помещиков в обыденных разговорах стали называть «внутренними немцами» — народом-врагом. Вся революция в России пошла не по Марксу — боролись не классы, а

части расколотого народа, как будто разные народы. Но к этому привели те, кто считал себя «белой костью». Они стали отщепенцами. Надо бы из их опыта извлечь урок, но сегодня «белая кость» с помощью телевидения сумела обратить гнев сытых как раз на тех крестьян и рабочих, а не на элиту, впавшую в расизм. Видно, на чужих уроках учиться мы еще не научились...

Октябрьская революция — была рывок, в нем было сделано много открытий мирового значения. В основе советского проекта был крестьянский общинный коммунизм. Строительство СССР было большим цивилизационным проектом мирового масштаба. В подобных проектах взаимодействуют массовое обыденное сознание («здравый смысл» народов), теория (в понятиях которой мыслит правящая элита) и утопия (идеальный образ будущего). Здравый смысл (преимущества совместной жизни в большой сильной стране) побуждал большинство поддерживать связность советского народа. Это проявилось на референдуме 1991 г. и во множестве последующих исследований. Утопия (братство народов в единой семье) также сохранялась вплоть до ликвидации СССР.

Опыт Российской империи и затем СССР, — показал всему миру: возможна совместная жизнь очень разных в культурном, религиозном и социальном отношении народов без колонизации. Россия-СССР воспроизвела в себе модель всего человечества. Это — урок колоссального значения, показавший принципиальную возможность преодоления нынешнего кризиса цивилизации. Но культурная элита Запада отвергла этот урок. Она участвовала в уничтожении СССР, в создании о нем лживых мифов, а затем в пропаганде «нового мирового порядка», тяготеющего к глобальному фашизму. А влиятельная часть российской интеллигенции Россию предала и перешла на сторону ее врага в холодной войне.

*Выход из Гражданской войны
и обуздание революции*

Во время революции каждая политическая сила, имеющая конструктивный проект и претендующая на то, чтобы стать во главе строительства нового жизнеустройства всего народа, вынуждена в какой-то момент начать, помимо борьбы со своими противниками, обуздание того самого социального движения, что ее подняло. Возможно, это самый болезненный этап в любой революции, здесь — главная проба сил. Только то политическое движение, что отражает самые фундаментальные интересы (чаяния) своей социальной базы, способно выступить против ее «расхожих мнений», чтобы ввести ее разрушительную энергию в русло строительства.

Овладеть главным потоком революции — народным бунтом, со всеми его великими и страшными сторонами, — оказалось для большевиков самой важной и самой трудной задачей, хотя, конечно, острая и прямая опасность исходила, начиная с середины 1918 года, от белого движения. Постановка задачи «обуздания революции» происходит у Ленина буквально сразу после Октября, когда волна революции нарастала. Решение этой противоречивой задачи было в том, чтобы договориться о главном, поддержать выбранную огромным большинством траекторию. Для такого поворота к «обузданию» набирающей силу революции нужны были огромная смелость и понимание именно чаяний народа. А это понимание встречается у политиков чрезвычайно редко.

Мечтать о том, чтобы из революции можно было выйти без подавления какой-то части общества, — наивная утопия. Трагедия любой революции в том и состоит, что противоречия в ходе ее обостряются настолько, что обратно пути нет и согласия достигнуть очень трудно, особенно

если уже пролилась кровь. У нас гражданская война кончилась, когда Россия «кровью умылась».

Прежде всего Советское государство должно было восстановить монополию на легитимное насилие. Это означало необходимость ликвидации всех иррегулярных вооруженных сил партийной окраски. После Октябрьской революции вооруженные силы страны составляли отряды Красной гвардии, рабочей милиции, части старой армии, которые поддерживали советскую власть.

Ввиду явной опасности, что с фронта вглубь страны хлынет неорганизованный поток вооруженных дезертиров, Советское государство сразу приступило к демобилизации старой армии. Одновременно был начат процесс создания новой постоянной и регулярной армии (обсуждалась возможность реорганизации старой армии без ее демобилизации, но она была признана нереальной). 15 января 1918 года СНК принимает декрет «О рабоче-крестьянской Красной армии».

Один из самых красноречивых эпизодов — ликвидация Красной гвардии. Об этой операции мы ничего не знаем из официальной истории — она никак не вписывалась в упрощенную модель классовой борьбы. В Петрограде Красная гвардия была распущена 17 марта 1918 года, о чем было объявлено во всех районных Советах с предложением всем желающим записываться в Красную армию. Как сообщила оппозиционная печать, начальник штаба Красной гвардии И.Н. Корнилов был арестован.

Это и другие действия по «огосударствлению» революционного общества вызвали сопротивление части рабочих даже в центре России. Так, наблюдался отток рабочих из Красной армии: например, к середине мая почти все рабочие с петроградского завода Речкина, ушедшие в Красную армию, вернулись на завод, так как не хотели, чтобы остальные рабочие смотрели на них «как на опричников».

В целом же установка на максимально быстрое восстановление государственности, принятая советской властью, хотя поначалу и создала очаги рабочих восстаний («гражданской войны среди своих»), стала фактором, подавляющим накал Гражданской войны в целом.

Весной 1918 года началась иностранная военная интервенция, и ВЦИК ввел всеобщую воинскую повинность. Созданные на местах военкоматы вели комплектование армии (оружие было предоставлено трудящимся, нетрудовые элементы выполняли иные воинские обязанности).

В марте СНК узаконил привлечение в Красную армию «военных специалистов» из числа офицеров и генералов старой армии (это решение подтвердил V Всероссийский съезд Советов). Это вызвало в партии острую дискуссию и даже конфликты. Возникла т.н. «военная оппозиция» на VIII съезде РКП(б) — из числа противников этого решения. Аргументом были частые измены военспецов, особенно мятеж двух фортов Кронштадта, измена командующего Восточным фронтом, нескольких командующих армиями, переход на сторону белых всего профессорско-преподавательского состава и 80% слушателей старшего курса Военной академии РККА (бывшей Николаевской) в Казани.

Создание новой армии происходило трудно. Однако Ленин в отстаивании своей позиции проявил исключительную настойчивость. Так, когда несколько военспецов из Пермской дивизии перебежали к врагу, председатель Реввоенсовета республики Троцкий приказал расстрелять всех комиссаров частей, где были перебежчики. РВС армии направил протест в ЦК РКП(б), и приказ был отменен. К концу войны категории «военспецов» и «красных командиров» стерлись и были заменены единым наименованием «командир РККА».

В Красной армии служили 70—75 тыс. офицеров, т.е. 30% всего старого офицерского корпуса России (из них 14

тыс. до этого были в Белой армии). В Белой армии служило около 100 тыс. (40%) офицеров, остальные бывшие офицеры уклонились от участия в военном конфликте. В Красной армии было 639 генералов и офицеров Генерального штаба, в Белой — 750. Из 100 командармов, которые были в Красной армии в 1918—1922 годах, 82 были ранее «царскими» генералами и офицерами.

После Октября в целях примирения советская власть смотрела сквозь пальцы на нарушение официальных запретов: летом 1918 года издавалась газета запрещенной партии кадетов, выходили газеты меньшевиков и анархистов. Даже после разгрома силами ВЧК «анархистских центров» в Москве Нестор Махно летом 1918 года приезжал в Москву и имел беседы с Лениным и Свердловым.

Нельзя не сказать кратко и об особо важном фронте Гражданской войны, отличном от войны между красными и белыми, — фронте борьбы против «молекулярного» антицивилизационного и антигосударственного движения. Правильнее говорить о присущей этому движению психологии гунна — это понятие тоже использовал Блок, подчеркивая его отличие от скифов. Сказать о нем надо по той причине, что поворот к массовой поддержке красных во многом произошел потому, что они, в отличие от белых, показали себя силой, способной не то чтобы победить это движение, но «овладеть» им, придать его хаотической разрушительной силе направление, «вести в берега».

Установки белых в отношении «бунта гуннов», как и в отношении национального вопроса, можно характеризовать как непредрешенчество, унаследованное от Февраля. Как было сказано, они намеревались сначала добиться победы и получить власть, а потом уж строить государственность. Эта ошибочная философская установка оказалась фатальной уже для Временного правительства — государственность, ее матрица, строится в повседневном предъ-

явлении программы при решении самых обыденных дел, тем более в условиях войны. Белые же вели «войну с гунном» конъюнктурную, в ней не проглядывала матрица будущей государственности.

Более того, вожди Февраля, именно вследствие своей оторванности от основной массы населения и неосознанного страха перед ним, потакали «революционной активности» антигосударственной стихии. К чему привело это потакание «гунну» со стороны либералов и эсеров? К тому, что вслед за сломом государственности началось «молекулярное» разрушение и растаскивание всех систем жизнеобеспечения России, и она «погрузилась во мглу». Можно утверждать, что в столкновении с «белыми» советский проект победил именно потому, что в нем идеал справедливости был неразрывно спаян с идеалом государственности. Будучи сами близки к этой стихии, большевики не испытывали к ней никакого уважения и трезво оценивали и ее силу, и ее слабые места. Когда надо, они ее использовали, а потом подавляли.

Многозначительно явление, о котором советская история умалчивала, а зря, — «красный бандитизм». В конце Гражданской войны советская власть вела борьбу, иногда в судебном порядке, а иногда и с использованием вооруженной силы, с красными, которые самочинно затягивали боевые действия, когда белые уже склонялись к тому, чтобы разоружиться. В некоторых местностях эта опасность для советской власти даже считалась главной. Под суд шли, бывало, целые городские парторганизации, нарушившие общую политическую линию — они для власти уже «не были родственниками».

Ленин много сделал, чтобы Гражданская война была закончена как можно быстрее и резко — без «хвостов». На это была направлена и военная стратегия мощных операций, и политика компромиссов и амнистий. Опыт многих

стран показал, что часто гражданская война переходит в длительную «тлеющую» форму и в этой форме, соединяясь с «молекулярным» насилием, наносит народу очень тяжелые травмы.

В целом Гражданская война ленинского периода имела «два завершения» — решительную и резкую победу красных над белыми в Крыму и прекращение стихийного крестьянского сопротивления через переход к НЭПу. Это многие из нас помнят, надо только задуматься над тем фактом, что завершение обеих войн было чистым. Это — во все не обычная и тривиальная в гражданских войнах вещь. Напротив, общим правилом является длительное изматывающее противостояние после номинального окончания войны.

В Гражданской войне Россия «кровью умылась», но советский строй сумел овладеть разбуженной энергией и направить ее на строительство, создать новый порядок. Это — поразительная историческая заслуга большевиков, и огромную роль в ней сыграл Ленин.

Сразу после завершения Гражданской войны была начата большая программа по «гашению» взаимной ненависти расколотых частей народа. НЭП во многом и был такой программой. Она была сопряжена с внутрипартийными конфликтами, в частности с борьбой против «классовиков» — фундаменталистов классовой идеологии. Много делалось для привлечения к сотрудничеству старой интеллигенции, в том числе из партий «белого лагеря». Так, в 1924 году разрешили вернуться в СССР историку, бывшему председателю Украинской Центральной рады М.С. Грушевскому (в 1929 году избран академиком АН СССР).

Хороший пример — биография Ю.В. Ключникова (1886—1938). Накануне Октября он был приват-доцентом Московского университета, летом 1918 года участвовал в левоэсеровском мятеже в Ярославле, был заместителем

министра в первом антисоветском правительстве Гражданской войны — «Уфимской директории», затем примкнул к Колчаку и стал министром иностранных дел в его правительстве. После разгрома Колчака эмигрировал и входил в Парижский комитет партии кадетов, читал курсы лекций в Париже и Брюсселе. Затем стал редактором журнала «Смена вех». Одна из его статей, посвященная подготовке Генуэзской конференции, привлекла внимание Ленина, и он пригласил его в качестве эксперта советской делегации в Генуе. В 1923 году Ключников вернулся в СССР и стал преподавать в Коммунистической академии. Эта сторона НЭПа — особая, большая тема.

Не вызывает сомнения, что задача примирения воевавших социальных и культурных групп была решена в СССР эффективно и поразительно быстро. Уже в 20-е годы был преодолен присущий гражданским войнам синдром послевоенной непримиримости, который наблюдался, например, в Мексике, Китае или Испании. Это — великое достижение русского коммунизма, в этом большевики очень умело и эффективно использовали свойства русской культуры и культуры всех народов, соединившихся в СССР. Насколько сложна была эта задача примирения, говорит тот раскол, который пережило российское общество в 90-е годы, когда из политической целесообразности власти старые раны были раскрыты, и СМИ стали сыпать на эти раны соль.

Образование СССР

Едва ли не самым сложным и важным позитивным проектом советской власти была «сборка» территорий рассыпанной Российской империи и жившей в ней народов. Разработка модели новой страны и принципов национального общежития велась в острой дискуссии. Программа национально-государственного строительства должна была решить сложнейшие проблемы, поставленные распадом Рос-

сийской империи и взрывом этнического национализма, который был порожден нарождающейся буржуазией нерусских народов.

Сейчас, обсуждая доктрину национально-государственного устройства СССР, надо не забывать, что во времена Николая II, Ленина и Сталина не было никакой связной «теории этничности» — ни в России, ни на Западе. И представления Ленина были ответственной и творческой систематизацией имеющихся знаний. Во многих отношениях его теоретические соображения, привязанные к динамике исторического процесса первой трети XX века, были шагом вперед.

Доктрина этого строительства осложнялась тем, что в борьбе с монархией все оппозиционные движения в конце XIX века ввели в обиход символический образ России как «тюрьмы народов». Воздействие его было очень сильным, он разрушал этническое самосознание русского народа («народ-угнетатель!»), порождал комплекс вины, обладающий разъедающим эффектом для национального сознания, и подпитывал сепаратистские настроения в элите нерусских народов. Февральская революция резко изменила установки и цели разных социальных групп, возникли новые противоречия. Не углубляясь в предысторию, кратко опишем новую ситуацию.

После Февральской революции Польша и Финляндия потребовали независимости. В этих странах был развитой национальный правящий класс, он имел поддержку Запада, и эти страны отделились (Польша была оккупирована Германией, в Финляндии социал-демократы попытались взять власть, но потерпели поражение.) После Октября вне РСФСР простиралось разорванное пространство, на частях которого националисты старались создать подобия государств. Возникла «независимая Грузия» с премьер-министром меньшевиком Жордания, которая «стремилась в Европу» и искала покровительства у Англии. Возник-

ла «независимая Украина» с председателем Центральной рады националистом Грушевским, близким к эсерам, и социалистом Петлюрой, которая искала и покровительства Германии, а потом союза с Польшей. «Народная Громада» провозгласила полный суверенитет Белоруссии, возникла автономная Алаш Орда в Казахстане — везде уже существовала местная буржуазная и европеизированная этническая элита, занимавшаяся поисками иностранных покровителей, которые помогли бы ей учредить какое-то подобие национального государства, отдельного от России. Это на время удалось прибалтийским республикам, они были отторгнуты от России с помощью Германии, а затем Антанты.

Надо учесть, что форсированная трансформация монархической сословной России сочеталась с новой «сборкой» исторической России: требовалось одновременно разрушать старые институты и возрождать их в новых формах. Один из руководителей и идеологов «черносотенства» Б.В. Никольский писал о большевиках в 1918 году: «В активной политике они с нескудеющей энергиею занимаются самоубийственным для них разрушением России, одновременно с тем выполняя всю закладку объединительной политики по нашей, русской патриотической программе».

Модель «сборки». Сейчас многие ученые и политики, говорящие о советской национальной политике, считают одной из главных причин кризиса советской государственности в 1980-е годы ошибочное, по их мнению, решение лично Ленина создавать СССР как федерацию — с огосударствлением народов и народностей бывшей Российской империи. Дескать, если бы поделили страну на губернии, без всякой национальной окраски, без каких-то «титульных наций» с их правом на самоопределение вплоть до отделения, то и не было бы никаких национальных проблем и никакого сепаратизма.

Для нас важнее не выдать оценки деятелям прошлого с высоты нашего нового мышления и проницательности, а разобраться, почему они приняли то или иное решение. Все решения принимались под давлением исторических обстоятельств, и вопрос: было ли это решение меньшим злом или были лучшие варианты? Такой анализ нам будет полезен, потому что подобные проблемы возникают перед нами сегодня и будут возникать впредь до того момента, как мы выйдем на новый виток стабильного развития — когда мы защитимся от кризисов.

Сегодня мы не можем надежно оценить, было ли верным принятое почти сто лет тому назад решение, — очень трудно точно «взвесить» значение каждого фактора, который тогда приходилось принимать во внимание, а также глубину и структуру неопределенности, с которой была сопряжена любая альтернатива. Мы уже не можем вернуться в ту неопределенность, ибо мы знаем, что произошло в результате принятого решения и развития всей совокупности факторов.

Рассмотрим исходное состояние. Еще до образования СССР сама Российская Федерация представлялась как «союз определенных исторически выделившихся территорий, отличающихся как особым бытом, так и национальным составом». То есть с самого начала государственного строительства в России стали возникать этнополитические территориальные образования.

Народностям и народам России были предоставлены территория и политическая (государственная) форма. Были официально закреплены имена этносов и зарегистрирована этническая (национальная) принадлежность граждан. Были созданы общественные и государственные институты, конституирующие определенную систему советской этнической «реальности».

Работа была очень сложной. Уже привязка народностей к территориям представляла собой задачу, которая

не имела удовлетворительного для всех сторон решения (красноречивый пример — Нагорный Карабах). Исторически расселение племен и народов шло на территории исторической России вперемешку. Однородность, достигнутая в Западной Европе, возникла лишь в процессе «сплавления» народов и этносов в нации («Европа — кладбище народов»). Поскольку в России такого сплавления не производилось, мест с «чистым» в этническом отношении населением было очень немного.

В России была сильна историческая инерция типа межэтнического общежития, который был принят еще со времен Киевской Руси. Евразийцы называли его «симфония народов». Это значит — не должно было быть ни этнического плавильного котла (как в США), ни ассимиляции главным народом (как в Германии и Франции), ни апартеида, как в колониях. Кстати, те русские патриоты, которые не принимают устройства Советского Союза, никогда не говорят, какая из этих реально известных альтернатив им по душе. Похоже, им ближе альтернатива этнического тигля, хотя гласно этого никто не признает.

Многие философы, и российские, и западные, отмечают тот факт, что именно в программах большевиков сильнее всего проявилась преемственность с траекторией российской истории. Ничего не поделаешь!

Утверждения о неизбежности подавления этничности малых народов отражают историю формирования именно западных наций. Когда германский канцлер Бисмарк заявил, что единство наций достигается только «железом и кровью», Тютчев написал известные строки:

Единство, — возвестил оракул наших дней, —
Быть может спаяно железом лишь и кровью...»
Но мы попробуем спаять его любовью, —
А там увидим, что прочней...

Ленин, говоря о типе государственности России после победы революции, имел в виду примерно то же самое, что и Тютчев (только вместо «любви» у него была солидарность трудящихся). Он писал в 1916 году: «Мы в своей гражданской войне против буржуазии будем соединять и сливать народы не силой рубля, не силой дубья, не насилием, а добровольным согласием, солидарностью трудящихся».

Это — общий фон. А первое конкретное условие, которое предопределило принятие советской властью доктрины федерализма, — укорененность этой идеи в общественном сознании. Эти доктрины развивались в России уже в первой трети XIX века. В федерализме стала вызревать идея России как федерации народов. В статье об истории этого процесса Н. Алексеев пишет: «С развитием революционного движения в России во второй четверти XIX — первом пятилетии XX в. принцип национального самоопределения начинает преобладать над принципом областничества. Русская революционная интеллигенция разных группировок начинает пробуждать и поддерживать децентрализационные силы русской истории, дремавшие в глубоких, замиренных империей настроениях различных вошедших в Россию народностей».

С полной определенностью принцип национального самоопределения был декларирован в программе партии «Народная воля». В начале XX века возникают национальные революционные движения и партии с сепаратистскими установками (например, армянская партия Дашнакцутюн). Важнейший для нашей темы исторический факт состоит в том, что эти настроения господствовали во всем революционном движении России. Это значит, что возможности учредить в ходе Гражданской войны унитарное государство, разделенное на безнациональные административные единицы, не существовало.

Это и заставило Ленина изменить первоначальные намерения. Ведь накануне Февральской революции он был

противником федерализации. Большевики в принципе были за сильное, крупное, централизованное государство, так что самоопределение рассматривалось Лениным как нецелесообразное право. Он выступал за трансформацию Российской империи в русскую демократическую республику — унитарную и централистскую. Это видно и из его труда «Государство и революция», и из его конспектов, в которых он делал выписки при изучении федерализма. Ленин первым оценил изменение обстановки в ходе Гражданской войны, другие члены руководства (например, Дзержинский и Сталин) продолжали придерживаться идеи унитарного государства, и их поддерживало руководство большинства советских республик. Потому Сталин и выдвинул план автономизации, предлагавший объединение всех республик в составе РСФСР на правах автономий. Однако в ходе обсуждения они согласились с доводами Ленина.

Среди тех организованных политических сил в России в момент революции большевики были как раз менее федералистами, чем другие (если не считать черносотенцев и анархистов, которые верили в утопию свободы без государства). Ленин считал федерацию вынужденным временным состоянием, о чем говорил в работах 1914 года, а в 1920 году писал в Тезисах ко II конгрессу Коминтерна: «Федерация является переходной формой к полному единству трудящихся... Необходимо стремиться к более и более тесному федеративному союзу».

Реальная политическая альтернатива большевикам, ставшая и движущей силой Белого движения, — либерально-буржуазная — была принципиально антиимперской (декларации белого офицерства не в счет). С.Н. Булгаков писал, что моделью государственности для России не мог быть «деспотический автаркизм татарско-турецкого типа, возведенный в этот ранг Византией и раболепствующей

официальной церковью; ею должна была стать федеративная демократическая республика». Здесь — полное отрицание «самодержавного централизма».

На 3-м съезде Советов (январь 1918 г.) Ленин сказал: «Мы действовали без дипломатов, без старых способов, применяемых империалистами, но величайший результат налицо — победа революции и соединение с нами победивших в одну могучую революционную федерацию. Мы властвуем, не разделяя, по жестокому закону Древнего Рима, а соединяя всех трудящихся неразрывными цепями живых интересов, классового сознания. И наш союз, наше новое государство прочнее, чем насильническая власть, объединенная ложью и железом в нужные для империалистов искусственные государственные образования... Совершенно добровольно, без лжи и железа, будет расти эта федерация, и она несокрушима».

Либералы Керенского, пытаясь собирать разваленную ими же Российскую империю по шаблонам западных федераций, принципиально не могли построить никакой государственности. Федерация не либерально-демократическая, а советская, была не просто возможна, она стала свершившимся фактом — именно потому, что накладывалась на единую систему национальной и социальной политики развития и соединения народов — при сохранении их этнического лица. По мере укрепления СССР и всех союзных институтов (партии и идеологии, культуры и науки, школы, армии и правоохранительных органов, хозяйства и образа жизни) набирал силу и процесс объединения народов в большой советский народ.

«Сборка» в условиях войны. Второе, еще более важное условие, которое определило выбор модели СССР как федерации, — на территории бывшей Российской империи шли гражданские войны разной интенсивности, а также интервенция иностранных вооруженных сил (14 госу-

дарств). Э. Карр пишет: «Повсюду на территории нерусских окраин проблема самоопределения безнадежно переплеталась с проблемами гражданской войны... Выбор делался не между зависимостью и независимостью, а между зависимостью от Москвы и зависимостью от буржуазных правительств капиталистического мира... В то время Ленин был так же не готов, как и любой другой большевик — или антибольшевик, — рассматривать национальное самоопределение как абстрактный принцип или оценивать его вне контекста гражданской войны».

Большевики в октябре 1917 года унаследовали национальные движения, которые уже вызрели в царской России и активизировались после Февраля. Если бы Российская империя и сумела преодолеть системный кризис 1905—1917 годов и продолжила свое развитие как страна периферийного капитализма, то ускоренное формирование национальной буржуазии неминуемо привело бы к отделению от России и созданию национальных государств. Эти движения получили бы поддержку Запада и либерально-буржуазной элиты в крупных городах Центра самой России. Монархическая государственность с этим справиться бы не смогла, и Российская империя была бы демонтирована.

Для советской власти не существовало дилеммы: сохранить национально-государственное устройство Российской империи — или преобразовать ее в федерацию республик. Собрание бывшей империи могло быть проведено или в войне с национальными элитами регионов, или через их нейтрализацию и компромисс.

Предложение учредить Союз из национальных республик, а не Империю (в виде одной республики), нейтрализовало возникший при «обретении независимости» национализм. Армии националистов потеряли поддержку населения, и со стороны Советского государства граждан-

ская война в ее национальном измерении была пресечена на самой ранней стадии, что сэкономило России и другим народам очень много крови. Работа по «собираанию» страны велась уже во время войны (историки называют это военно-политическим союзом советских республик). Скорее всего, иного пути собрать Россию и закончить гражданскую войну в тот момент не было. Но спорить об этом сейчас бесполезно.

Известен результат предложенных Лениным принципов союзного государства на Украине. Глава образованного Центральной радой правительства (Директории) В.К. Винниченко в воспоминаниях, изданных в Вене в 1920 году, признает «исключительно острую неприязнь народных масс к Центральной раде» во время ее изгнания в 1918 году большевиками. Он пишет: «огромное большинство украинского населения было против нас», а также говорит о враждебности, которую вызывала проводимая Радой политика «украинизации». Он добавляет, в упрек украинцам: «Ужасно и странно во всем этом было то, что они тогда получили все украинское — украинский язык, музыку, школы, газеты и книги».

Окончательное политическое банкротство националистов произошло в 1920 году, когда последний из министров директории Петлюра (социалист и националист) заключил договор с Польшей Пилсудского — национальными врагами украинских крестьян. В июле 1920 году член ревкома Галиции Ф. Конар (националист, внедренный в ревком, позже арестованный) сообщал Винниченко, что на правобережной Украине «отношение к России настолько хорошее, что даже ужас берет... В петлюровской армии страшное дезертирство, более всего дезертируют все те же "проклятые" галичане».

Красная армия, которая действовала на всей территории будущего СССР, была той силой, которая стягивала на-

роды бывшей Российской империи обратно в единую страну — и она нигде не воспринималась как иностранная. Воссоединение произошло быстро, до того, как сепаратисты успели легитимировать свои «государства». В 1991 году их внукам уже пришлось создавать исторические мифы об «утраченной независимости».

Националисты не могли ничего противопоставить сплывающей идее союза «трудящихся и эксплуатируемых масс» всех народов прежней России. Альтернативная национальная политика «белых» закончилась крахом. Выдвинув имперский лозунг единой и неделимой России, белые сразу были вынуждены воевать «на два фронта» — на социальном и национальном. Это во многом предопределило их поражение. Недаром эстонский историк тех лет писал, что белые, «не считаясь с действительностью, не только не использовали смертоносного оружия против большевиков — местного национализма, но сами наткнулись на него и истекли кровью».

Американский антрополог К. Янг пишет о «судьбе старых многонациональных империй в период после Первой мировой войны»: «В век национализма классическая империя перестала быть жизнеспособной формой государства... И только гигантская империя царей оказалась в основном спасенной от распада благодаря Ленину и с помощью умелого сочетания таких средств, как хитрость, принуждение и социализм.

Мощно звучавшая в границах «тюрьмы народов» национальная идея оказалась кооптированной и надолго прирученной при посредстве лапидарной формулы «национальное по форме, социалистическое по содержанию»... Первоначально сила радикального национализма на периферии была захвачена обещанием самоопределения и затем укрощена утверждением более высокого принципа пролетарского интернационализма, с помощью которого могла

быть создана новая и более высокая форма национально-го государства в виде социалистического содружества».

Итоги. Перед советской властью была задача: собрать разделившиеся куски бывшей империи. Собрание могло быть проведено или в войне с национальными элитами протогосударств, или через их нейтрализацию и компромисс. Первый вариант был нереален, а второй успешен. Сегодня гораздо продуктивнее не обвинять Ленина и большевиков в том, что они не совершили невозможного и не создали унитарного государства по типу Франции, а понять, каким образом они смогли так нейтрализовать этнический национализм, чтобы вновь собрать не просто единое государство, но во многих отношениях гораздо сильнее консолидированное государство, нежели Российская империя .

Это — столь важный фактор в завоевании советской властью авторитета у населения, что даже многие руководители Белого движения признали это с уважением. Красные в большой мере выразили идеалы белых, которых сами они не могли защитить. По выражению В.В. Шульгина, пришлось «белой идее переползти через фронты гражданской войны и укрыться в стане красных». Не надо бы нынешним поколениям российской молодежи это забывать!

Ленинской группировке в 1918—1921 годы удалось добиться сосредоточения реальной власти в Центре с таким перевесом сил, что вплоть до 1980-х годов власть этнических и местных элит была гораздо слабее Центра. Это обеспечили и формирование системы неофициальной власти партии, подчиненной Центру, и полное подчинение Центру прокуратуры и карательных органов, и создание унитарной системы военной власти, «нарезающей» территорию страны на безнациональные военные округа, и политика в области языка и образования. Огосударствление этничности в развивающемся советском обществе не

имело разрушительного характера потому, что этничность занимала в сознании людей небольшое место — мысли и чувства были заняты теми перспективами, которые открывало общество.

А.С. Панарин писал: «Этническая специфика как принадлежность малого жизненного мира, не отменяющая универсалии публичного большого мира, — такова стратегия модерна... В СССР действовала доминанта модерна: культуры союзных республик были национальными по форме, но едиными — социалистическими — по содержанию. Это социалистическое содержание было на самом деле европейско-просвещенческим. Парадокс коммунизма состоял в том, что он подарил “советскому человеку” юношеское прогрессистское сознание, преисполненное той страстной веры в будущее, которая уже стала иссякать на Западе. Молодежь всех советских республик принадлежала не национальной традиции — она принадлежала прогрессу».

Так была решена главная проблема момента — закончить Гражданскую войну и снова собрать историческую Россию в одну страну на основе солидарного социалистического общества. Потому-то система была прочной и на взлете. Отечественная война — экзамен. Эта программа соответствует одному из главных правил здравого смысла — каждое поколение должно решать ту критическую задачу, что выпала на его долю. Тогда на эти вызовы были найдены адекватные ответы — на целый исторический период.

Сейчас политизированная трактовка концепции СССР, которая якобы виновата в наших нынешних бедах, уж слишком поверхностная. СССР был «собран» как институт советского строя. Его конструкция была прекрасно гармонизирована с политической, социальной и культурной системами. Как только идея развития и единое социалистическое содержание национальных культур в СССР были во время перестройки «репрессированы», а затем их лишили сво-

их политических и экономических оснований, на первый план вышла агрессивная политизированная этничность, и «архитекторы» перестройки взорвали мину под СССР. Катастрофы перенесли и национально-государственная система, и экономика с культурой, и демография, и структура общества.

Не хотели этого? Надо было связать руки подрывникам. Но это уже история. Воспоминание о Ленине и СССР сейчас важно как урок. Это знание сегодня необходимо, даже несмотря на то, что тот опыт не может быть применен в нынешних условиях. Важны не рецепты, а методология подхода к проблеме.

Опыт СССР

НЭП

После долгой войны, катастрофы революции и Гражданской войны требовалась восстановительная программа — НЭП. При выработке ее концепции, наконец, в полной мере проявилось понимание Лениным сути крестьянской экономики. Вопрос о ней тогда был поставлен ребром, без доктринерства. Двум наиболее авторитетным экономистам-аграрникам России Л.Н. Литошенко и А.В. Чаянову было поручено подготовить два альтернативных программных доклада. Литошенко рассмотрел возможности продолжения, в новых условиях, варианта «реформы Столыпина» — создания фермерства с крупными земельными участками и наемным трудом. Чаянов исходил из развития трудовых крестьянских хозяйств без наемного труда с их постепенной кооперацией.

Доклады в июне 1920 года обсуждались на комиссии ГОЭЛРО (это был прообраз планового органа) и в Наркомате земледелия. В основу НЭПа была положена концепция Чаянова. Его главная идея, что крестьянская экономика не есть капитализм, восторжествовала. Ленин убедил партию, что в России в условиях глубокого спада производства восстановление крестьянской экономики — фундаментальное условие построения социализма. Иными словами, НЭП был вызван не конъюнктурой, а всем типом России как крестьянской страны.

Ленин не пошел на открытое столкновение со всей системой понятий и категорий марксизма, проще было назвать НЭП временным отступлением, уступкой буржуазной сущности крестьянства. Главное тогда было получить

поддержку в срочной проблеме стратегического выбора. Главное значение этой программы Ленина сегодня — исторический урок. Он, на мой взгляд, в следующем: длительное сохранение неадекватной системы понятий, даже если в условиях авторитарного государства есть возможность принимать верные стратегические решения, в конце концов, ведет к поражению. Нельзя использовать понятия совершенно иной модели. Для анализа нашего нынешнего кризиса полезно рассмотреть труд Ленина «Развитие капитализма в России» как заданную парадигму — вместе с противоречащей этой модели реальностью.

Нам надо осмыслить всю систему процессов: революцию 1905—1907 годов, реформу Столыпина, Февраль—Октябрь 1917 года, НЭП, индустриализацию-коллективизацию и крах 1988—1994 годов. Только тогда нам станут понятны причины двух важнейших наших катастроф XX века: неизбежности превращения реформы Столыпина в крестьянскую коммунистическую революцию, которая отошла в историю, породив советский строй, — и краха советского строя с мировоззренческим кризисом и в завершении реформами 1990-х годов.

После Гражданской войны главным изменением в доктрине государственного строительства было становление однопартийной системы — по мере того как союзные и даже коалиционные вначале левые партии переходили в оппозицию к большевикам. Это происходило, несмотря на неоднократные, вплоть до 1922 года, попытки большевиков восстановить признаки многопартийности. Идея единства все больше довлела. Многие рядовые эсеры и меньшевики быстро «перетекли» в РКП(б), а лидеры эмигрировали, были сосланы или арестованы в ходе политической борьбы.

Партия заняла в политической системе особое место, без учета которого не может быть понят и тип Советского государства. В литературе нередко дело представляется

так, будто концепция Ленина превратить партию в скелет всей советской системы и ее сращивания с государством возникла из-за того, что политически незрелые и малограмотные депутаты рабочих и крестьянских Советов не могли справиться с задачами государственного управления. Это не требовалось для управления, проблема глубже. Для строительства СССР как большой системы нужна была именно партия нового типа. Выражаясь высоким стилем, можно было бы сказать, что нужна была партия не классовая, а цивилизационная.

Ведь «рабоче-крестьянский народ», судя по совокупности наказов и приговоров, желал жить в России и «жить по-своему, а не по европейски», поэтому не прошел вполне социалистический проект меньшевиков. В тот исторический момент возможность «жить по-своему» давал советский проект. Этот цивилизационный смысл большевизма тогда прекрасно понимали и западники, и традиционалисты. Вальтер Шубарт в своей известной книге 1938 г. «Европа и душа Востока» пишет: «Самым судьбоносным результатом войны 1914 года является не поражение Германии, не распад габсбургской монархии, не рост колониального могущества Англии и Франции, а зарождение большевизма, с которым борьба между Азией и Европой вступает в новую фазу... Дело идет о мировом историческом столкновении между континентом Европы и континентом России...

То, чего Запад боится, — это не самих идей, а тех чуждых и странных сил, которые за ними мрачно и угрожающе вырисовываются, обращая эти идеи против Европы. Большевистскими властителями тоже руководит настроение противоположения Западу. То, что случилось в 1917 году, отнюдь не создало настроений, враждебных Европе, оно их только вскрыло и усилило. Между стремлениями славянофилов и евразийцев, между лозунгами панславизма и мировой революции разница лишь в методах, но не в цели

и не в сути. Что касается мотивов и результатов, то все равно, будут ли призываться к борьбе славяне против немцев или пролетарии против капиталистов. В обоих случаях мы имеем дело с инстинктивной русской попыткой преодолеть Европу».

Партии (от слова «часть») есть порождение буржуазных революций, когда сословное общество с его стабильной структурой распределения прав и обязанностей уступало место классовому гражданскому обществу. Партии представляли интересы разных социальных групп в обществе «войны всех против всех». Эта роль партий отражена в теориях классовой борьбы как части формационного подхода к пониманию общества. Этот процесс шел и в России периода раннего капитализма (начало XX века) — возник спектр классовых партий: кадеты и октябристы, эсеры и социал-демократы.

Но в противовес этим партиям возникли и совсем иные политические организации — «партии нового типа», целью которых было действие, предотвращающее разделение народа на классы. С точки зрения либералов и меньшевиков, это были партии контрреволюционные. Одна из этих «партий», Союз русского народа, была консервативной (и даже реакционной). Она была полностью лояльна к монархической власти и пыталась выполнить безнадежную программу — остановить революцию. Другая «партия», большевики, интуитивно (и вопреки ее официальной доктрине марксизма) «оседлала» крестьянский коммунизм подавляющего большинства населения России и, вобрав в себя энергию Февральской революции, перенаправила эту энергию на восстановление российской государственности, реставрацию России в форме СССР и даже, в новых формах, самодержавия («Вся власть Советам», «Сталин — наш рулевой»). Классовые партии в союзе с Западом попытались преодолеть этот проект в Гражданской войне, но безуспешно.